

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188630](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188630)

УДК 009:168.522

Александр Афанасьев, Ирина Василенко

НАРРАТИВ И СИМВОЛ В ТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОЧТЕНИИ ГОРОДА

В городской символике целесообразно различать культурно-историческую и идеологическую разновидности. В идеологической символике определяющее значение имеет явный или скрытый нарратив, за которым стоит метанарратив, однозначно задающий соответствующее прочтение городского текста, но вызывающий неоднозначные ассоциации.

Ключевые слова: *городской текст, символ, нарратив.*

Город и городская жизнь издавна привлекали внимание исследователей. Но относительно недавно урбанистика сформировалась как огромное исследовательское поле, где пересеклись интересы истории, культурологии, эстетики и целого ряда областей философского знания. Единства методологии, тематики, подходов и позиций в исследованиях нет в силу многоаспектности феномена, именуемого городом. Верно отметила Я. Верменич: «Становление и развитие городов в концентрированном виде отразили формирование цивилизационных основ ценностно-мировоззренческого и нормативно-регулятивного аспектов социального взаимодействия. Поэтому город – это не только упорядоченная система расселения и производственный комплекс. Это также особый образ жизни со специфическими средствами поддержания и воспроизводства присущих ему ценностей и стереотипов, традиций поведения» [Верменич 2011:15].

Среди многоплановых исследований города существенное место занимает текстуальное прочтение города. Представление города в виде текста является попыткой осмыслить его как целостное пространство, в котором имена и символы призваны подчеркнуть и «освятить» его упорядоченность.

По-видимому, город невозможно представить как единый целостный текст. Город – это множество связанных и не связанных между собой текстов. Многие из них сформулированы явно. Городской текст – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки» [Топоров 1995: 368]. Но многие городские тексты в структуре города присутствуют в неявном виде и их предстоит еще выявить и прочесть, порой даже заново: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города,

наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман 1992b: 13–14].

Городской текст включает огромное количество символов, интерпретация которых задает то или иное прочтение городского текста через соответствующие нарративы. Анализ связи городской символики и нарративов является целью данной статьи.

Разнообразие городских текстов обусловлено огромным множеством компонентов, включенных в понятие «город»: сами жители города от рядовых граждан до знаменитостей, исторические достопримечательности, городская топонимика, городские легенды, мифы, городской фольклор и даже особый специфический городской выговор, расположение города в пространстве и во времени, городская экономика и инфраструктура, транспортная система, развлекательные учреждения, архитектура, районы и микрорайоны (локусы), городская власть и ее политика и пр. Причем это многообразие изменяется во времени, образуя многоплановую историю города, или, точнее, множество его историй.

Возникновение и развитие городов часто трактуют как борьбу порядка и хаоса, как стремление к реализации упорядоченности, к победе разума и порядка над хаосом через всевозможные коллизии природного и социального, аполоновского и дионисийского, естественности и искусственности [Степанова 2015]. Действительно, издавна город казался более упорядоченным, городская жизнь на первый взгляд, меньше зависит от природных стихий и социальных потрясений, человек там более защищен, чем вне города, например, крепостными стенами. Однако, искусственная упорядоченность города, во все времена была, во-первых, довольно хрупкой, а во-вторых, содержала и даже порождала немало неконтролируемых феноменов, олицетворявших новый хаос.

В цивилизованных странах городские власти вместе с архитекторами и другими специалистами призваны создать такое расположение домов, учреждений, транспортных потоков и прочей инфраструктуры, чтобы сделать жизнь жителей максимально упорядоченной и удобной. В таких случаях город действительно представляет собой четкое и хорошо отрегулированное пространство, и его можно читать как единый текст, в котором относительно легко прослеживается разумность и целостность. Но дело в том, что далеко не все городское пространство контролируется городской властью, например, преступность. А в современных условиях глобализация накладывает свой отпечаток и на городскую жизнь, детерминируя всевозможные коллизии и противоречия. То, что происходит в городе, – отмечает французский исследователь города Мишель де Серто,

– зависит от деятельности больших корпораций, всемирной торговли и масштабных замыслов, а не от воли городской власти, направленной на благосостояние города. Текст современного города – это скорее «инструкция по применению», позволяющая поставить жизнь в городе под контроль машин, а машины – под контроль все более изощренного технического разума, обеспечивающего кажущуюся слаженность, упорядоченность, четкость, целостность городской жизни, хотя повседневная практика городских жителей видоизменяет навязанную им упорядоченность. Отсюда возникает, как минимум, два прочтения города: официально-стратегическое, где город представлен как абстрактное целое, и неофициально-тактическое, где город называется и читается по-другому [Серто 2013]. Здесь город приобретает новые черты, новые символы и нарративы.

Действительно, жители такого города не ставят перед собой целей, которые могли бы нарушить стратегическую четкость. Во-первых, власти не позволят, во-вторых это было бы неразумно, это нарушило бы упорядоченность и внесло бы хаос в городскую жизнь. Именно поэтому о произвольных застройках, рынках или парковках не может быть и речи. Даже преступность старается вписаться в городской порядок, а проявления гражданских свобод в виде демонстраций и всевозможных акций, от одобрительных до протестных, власти стараются направить в такое русло, которое не нарушало бы отрегулированное течение жизни.

В этом плане стратегическая (по терминологии Серто) жизнь Одессы не вполне отвечает цивилизованному идеалу. Городское пространство далеко от целостности, разумности и упорядоченности. И дело не только в произвольных парковках в силу отсутствия их должного количества, неимоверно хаотизирующих городскую жизнь, или произвольных и полу-произвольных застройках. Беда в том, что даже в регулируемых строительных, транспортных или инфраструктурных решениях мало целостности и смысла. Примеры можно множить до бесконечности. В районе относительно небольшой Тираспольской площади располагается шесть аптек (!?), а на Тираспольской улице, которая после реконструкции стала шестиполосной, работает практически две полосы, остальные превратились в подобие парковок. Не отличается хорошей продуманностью застройка Одессы. Огромные здания часто вырастают в самых неожиданных местах, нарушая далеко не только эстетические принципы и увеличивая хаос. Объекты, представляющие собой культурно-историческую ценность, часто, как минимум, выпадают из общей целостности, если не страдают в буквальном смысле. В этом отношении одесситам предстоит не только читать городской текст через повседневную жизнь, но и писать его стратегию, или как минимум контролировать ее написание.

Смысловая целостность города организуется не только в пространстве, но и во времени. Как и пространственные, временные изменения неизбежны, хотя, возможно, они не столь заметны. Скажем, имена городов, улиц, площадей, архитектурных и скульптурных сооружений связывают пространство и время, образуя городскую символику, призванную упорядочить городскую жизнь, но сама система этих имен и символов лишена продуманности, упорядоченности, в ней переплетены исторические, культурные, идеологические, политические, эстетические и просто случайные имена. Многие из них вызывают неоднозначные ассоциации, противоречивые эмоциональные реакции, особенно при повседневном, личностном прочтении.

Некоторым именам не просто дать интерпретацию без знания авторского замысла. Примером может служить название магазина на улице Канатной – «Універсамъ». Удивительно сочетание буквы «і» в середине слова, отличающей украинский язык от русского, и твердого знака «ъ», отличающего русский язык от украинского. Возможно это отсылка к ироническому описанию Виктором Шкловским в «Сентиментальном путешествии» борьбы петлюровцев с твердым знаком [Шкловский] или отсылка к критике в 90-х годах прошлого века «большевистской и сатанинской» орфографии, отменившей твердый знак в конце слова [Пахомов], возможно – ностальгия по недавнему советскому «единству братских народов», возможно просто одесский «прикол», не исключена и элементарная грамматическая ошибка в условиях нынешнего падения уровня образования. В любом случае вполне вероятно, что данная вывеска станет достопримечательностью Одессы.

Развернутой классификации городских символов не создано, хотя основания для этого имеются [Аверинцев 1985; Лотман 1992а]. Э. Сепир различал символы как конденсационные, имеющие явно выраженную эмоциональную политическую или религиозную окраску, и референциальные, отличающиеся эмоциональной нейтральностью [Сепир 1993: 204]. Различать символы на основании вызываемой ими эмоциональной реакции весьма продуктивно, но такие реакции существенно зависят от времени появления данного символа и разумеется его интерпретации.

Само по себе имя городского объекта, скажем, название улицы, имеет вполне утилитарный смысл: ориентацию в городском пространстве, чтобы, к примеру, письмо не адресовалось «на деревню дедушке». В таком качестве все городские имена имеют нейтральную ценностно-эмоциональную окраску и обозначают соответствующий объект, не более того. Но проблема в том, что многие, если не все городские имена являются еще и символами,

когда им придается соответствующий культурный, исторический, и особенно политический, идеологический смысл, выдается соответствующая интерпретация, конструируется некоторый нарратив, подразумевающий соответствующую метанаррацию. Городские символы, возможно, в отличие от многих других, не есть «пустой знак», они имеют не просто очевидные предметные денотаты, но и соответствующую смысловую референцию, которая естественным образом ограничивает многообразие интерпретирующих нарративов. Однако и в этом случае интерпретаций больше, чем одна-единственная, поэтому назвать некий городской символ референциальным, значит подразумевать одно-единственное его значение: имя городского объекта. В таком качестве городские символы существуют для тех людей, которые иных интерпретаций не знают или не придают им значения. Например, название улицы кое-кому ни о чем не говорит, кроме названия этой улицы. Для такого субъекта этот городской символ будет референциальным. Можно допустить, что таких людей много, но их обычно называют некультурными, варварами, и они не являются примером для подражания. Разумеется, некоторые интерпретации символов в определенных ситуациях не имеют существенного значения, но это не означает, что их нет в принципе. В этом плане чистых референциальных символов не существует, они появляются лишь в некотором отношении.

Можно различать городские символы по другому основанию – по виду ценностной окраски, положенной в основу имени или интерпретации. Тогда полезно различать культурно-исторические и политико-идеологические символы. Например, улица Греческая будет типичным примером культурно-исторического городского символа. И она же под именем Карла Либкнехта будет примером идеологического символа. И те, и другие символы имеют определенную историю, но первые связаны с социально-культурными особенностями данной местности, улицы, района, а вторые – с политическими соображениями, важными для руководства, причем, чаще всего лишь в некоторый промежуток времени, и они с местной историей, как правило, не связаны. Если греки, жившие когда-то на Греческой улице естественным образом (именно культурно-историческим) предопределили ее название, то Карл Либкнехт к этой улице не имел никакого отношения и, наверное, не знал о ее существовании. Идеологическая символика, с одной стороны, добавляет хаоса в городской текст, поскольку с упорядоченностью жизни или символики не имеет ничего общего, с другой стороны, провоцирует одобрительные или неодобрительные, иронические или саркастические интерпретации в повседневных практиках.

В советское время на углу улиц Карла Либкнехта и Карла Маркса находился винный подвалчик, которому одесситы дали негласное имя «Два

Карла». Имя, на первый взгляд, чисто референциальное. Но ему придавалась интерпретация в виде невысказанной насмешки над идеологическими символами, из-за чего было небезопасно произносить такое имя без оглядки.

Разумеется, политико-идеологические символы имеют право на существование. Более того, они должны быть важным атрибутом городской символики, поскольку имеют немалое воспитательное, патриотическое и порой даже культурное значение – вопрос в том, какова метанарративная идеология, стоящая за данными символами. Но есть еще один не менее важный вопрос: как связаны идеологические символы с культурно-историческими особенностями города. Если такой связи нет, идеологический символ теряет культурное значение и выглядит чуждым, несистемным, нелогичным, выпадающим из смысловой целостности, из городского текста и он обязательно будет предметом отрицательных ассоциаций, насмешливых интерпретаций и прочих способов неприятия. В свое время, задолго до начала борьбы с советской коммунистической символикой, благодаря одесскому мэру Эдуарду Гурвицу Одесса первая в Украине избавилась от советской символики довольно простым способом: всем улицам вернули дореволюционные, исторические имена. Трудности возникли лишь с теми улицами, которые появились в советское время, поскольку нужно было различить советские идеологические и культурно-исторические символы, хотя и полученные в советское время. Не всегда это было просто. Например, имена каких воинов, отличившихся в боях за Одессу во второй мировой войне, следовало увековечить? Если маршал Малиновский, имя которого носит одна из улиц города, одессит, то Александр Матросов к Одессе не имел отношения. Или как быть с названием поселка Котовского: каково соотношение исторического и идеологического в этом имени полубандита, полуреволюционера, а затем советского комбрига? Это касается и переулка Маяковского, в имени которого также переплелись историко-культурные и идеологическо-коммунистические смыслы. Примеры можно продолжать, но вопрос должен быть решен в принципе: что и как надлежит помнить вечно и ежечасно, что отложить в музей, а что подлежит забвению. Иными словами, как должна функционировать историческая память, зафиксированная в городской символике, причем, как официальная, так и неофициальная, в частности, как совместить местный социально-исторический контекст с общечеловеческими и общенациональными идеалами?

В данное время этот вопрос практически отдан на откуп Украинскому институту национальной памяти, что вызывает серьезную озабоченность. Это при том, что институт ведет очень нужную и в основном плодотворную работу по преодолению коммунистической идеологии, заполнению белых

пятен отечественной истории и пр. Но проблема в том, что идеологическая составляющая в его деятельности превалирует над научной. Это недопустимо. Историческая память должна формироваться преимущественно на научной основе. Идеология же, в том числе и самая привлекательная или популярная, не может быть научной по определению, поскольку всегда выражает частный интерес и имеет сиюминутное значение [Афанасьев, Василенко 2017].

Символ всегда имеет в своем составе явный или скрытый нарратив, причем идеологический символ всегда отсылает к метанарративу. Если знак или имя, как, например, название улицы, подразумевает преимущественно лишь описание, в частности, историческое, то превращаясь в символ, они приобретают нарративную составляющую, причем как правило не одну. Различные интерпретации выявляют такие нарративы. Советские символы в названии улиц отсылали к нарративам биографического порядка соответствующего советского героя или революционера, к более общему нарративу (гранднарративу), объясняющему их место в советской истории, и обязательно к метанарративу, выявляющему всемирно-историческую роль Советского Союза, руководящей роль коммунистической партии, всепобеждающей силе марксистско-ленинского учения. Разумеется, возможны и социально-исторические, культурно-исторические нарративы, но их структура, будучи повествовательной не ведет к метанарративной цели. Поэтому такие нарративы содержат больше описательных конструкций, чем объяснительных. А нарративная форма там соблюдается ради интереса, интриги, сюжетности, краткости и т.п., как, например, в пояснениях гидов, или в городских мифах и легендах. В отличие от них, идеологический символ изначально сориентирован на некую, наперед заданную цель, очищаясь от всего, что не имеет к ней отношения. Имя маршала Говорова ничего не говорило о его роли в истории Одессы, зато вкупе с мемориальными и ритуальными составляющими последовательно вела к сверхцели: торжеству советского строя и единственно верной коммунистической идеологии, обеспечившим победу в войне, коммунистическому будущему человечества и прочим составляющим данного символа. Разумеется, никто даже не задавался вопросом, почему Говоров носил прозвище Аптекарь, или что он делал в царской армии, или почему в молодости успешно служил офицером в Белой армии, поднимаясь по служебной лестнице и воюя против советской власти.

В качестве вывода отметим, что в городской символике целесообразно различать культурно-историческую и идеологическую разновидности. В идеологической символике определяющее значение имеет явный или скрытый метанарратив, задающий соответствующее прочтение городского

текста.

Список использованной литературы

- Аверинцев, С. С. (1985) *Заметки к будущей классификации типов символа*, в: *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва: Наука, 400 с.
- Афанасьев, О. И., Василенко, И. Л. (2017) *Исторична пам'ять: наука та ідеологія*, в: *Філософія та гуманізм*, вип. 6, Одеса: ОНПУ, сс. 12–22.
- Верменич, Я. В. (2011) *Исторична урбаністика в Україні: теорія містознавства і методика літочислення*, Київ: Інститут історії України НАН України, 306 с.
- Лотман, Ю. М. (1992а) *Символ в системі культури*, в: *Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т., т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*, Таллин: Александра, 480 с.
- Лотман, Ю. М. (1992б) *Символика Петербурга и проблемы семиотики города*, в: *Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т., Таллин: Александра, т. 2, 478 с.*
- Пахомов, В. М. *Реформа орфографии 1917–1918*. Дата звернення: 01.04.19. Режим доступу: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917/
- Сепир, Э. (1993) *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва: Прогресс, 656 с.
- Серто, М. де. (2013) *Изобретение повседневности. Искусство делать*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 330 с.
- Степанова, А. (2015) *«Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. Поэтология фаустовской культуры*, СПб.: Алетея, 496 с.
- Топоров, В. Н. (1995) *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва: Прогресс-Культура, 623 с.
- Шкловский, В. *Сентиментальное путешествие*. Дата звернення: 01.04.19. Режим доступу: <https://iknigi.net/avtor-viktor-shklovskiy/21425-sentimentalnoe-puteshestvie-viktor-shklovskiy/read/page-10.html>

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко

НАРАТИВ І СИМВОЛ В ТЕКСТУАЛЬНОМУ ПРОЧИТАННІ МІСТА

У міській символіці доцільно розрізняти культурно-історичний і ідеологічний різновиди. В ідеологічній символіці визначальне значення має явний або прихований нарратив, за яким стоїть метанарратив, що задає відповідне прочитання міського тексту, але викликає неоднозначні асоціації.

Ключові слова: міський текст, символ, нарратив.

Oleksandr Afanasiev, Iryna Vasylenko

NARRATIVE AND SYMBOL IN TEXTUAL READING OF THE CITY

Representation of the city in the form of text is an attempt to understand it as a holistic space. Names and symbols are designed to emphasize its orderliness. The urban text includes a huge number of characters, their interpretation sets one or another reading of the urban text through the appropriate narratives.

Urban symbolism is intended to streamline urban life, but it itself is devoid of order, it is intertwined with historical, cultural, ideological, political, aesthetic, and just random names. Many of them cause ambiguous associations, contradictory emotional reactions.

The name of the city object has a utilitarian meaning: orientation in the urban space. As such, all names in city have a neutral value-emotional tinge. But in city are also symbols when they are given the appropriate cultural, historical, and especially political, ideological meaning. In this case, some narrative is constructed, implying the corresponding metanarrative. Pure referential characters do not exist.

It is useful to distinguish between cultural, historical and political ideological symbols. For example, Grecheskaya Street in Odessa will be a typical example of a cultural and historical city symbol. And she, under the name of Karl Liebknecht, will be an example of an ideological symbol. Both those and other symbols have a certain history, but the first are connected with the socio-cultural characteristics of the area, and the second with political considerations.

Political and ideological symbols can be an important attribute of urban symbols, since they have a considerable educational, patriotic, and sometimes even cultural significance. The question is what is the metanarrative ideology behind these symbols. But there is another equally important question: how are the ideological symbols connected with the cultural and historical features of the city. If there is no such connection, the ideological symbol loses its cultural meaning and looks alien, non-systemic, illogical, falls out of the semantic integrity, from the urban text.

Keywords: city text, symbol, narrative.

References

- Averincev, S. S. (1985) *Zametki k budushhej klassifikacii tipov simvola* [Notes to the future classification of symbol types], in: *Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija*, Moskva, Nauka, 400 p.
- Afanasiev, O. I., Vasilenko, I. L. (2017) *Istorichna pamjat: nauka ta ideologija* [Historical memory: science and ideology], in: *Filosofija ta gumanizm*,

vyp. 6, Odesa, ONPU, pp.12-22.

- Veremich, J. V. (2011) *Istorichna urbanistika v Ukraïni: teorija mistoznavstva i metodika liotchislennja* [Historical urban study in Ukraine: the theory of scientific knowledge and methods of analysis], Kyev, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 306 p.
- Lotman, J. M. (1992a) *Simvol v sisteme kultury* [Symbol in the system of culture], in: *Lotman J. M. Izbrannye stati v 3-h t., t. 1. Stati po semiotike i tipologii kultury*, Tallin, Aleksandra, 480 p.
- Lotman, J. M. (1992b) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of City Semiotics], in: *Lotman, J. M. Izbrannye stati: v 3 t., Tallin: Aleksandra, t. 2, 478 p.*
- Pahomov, V. M. *Reforma orfografii 1917-1918* [Spelling Reform 1917-1918.], Retrieved April 1, 2019 from http://gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917/
- Sepir, J. (1993) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies], Moskva, Progress, 656 p.
- Serto, M. de. (2013) *Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat* [The invention of everyday life. Art to do], SPb., Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 330 p.
- Stepanova, A. (2015) «*Zakat Evropy*» *Osvalda Shpenglera i literaturnyj process 1920–1930-h gg. Pojetologija faustovskoj kultury* [«The Decline of Europe» by Oswald Spengler and the literary process of the 1920–1930 je. Poetology of Faustian culture (monograph)], SPb., Aleteja, 496 p.
- Toporov, V. N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites], Moskva, Progress-Kultura, 623 p.
- Shklovskij, V. *Sentimentalnoe puteshestvie* [Sentimental Journey], Retrieved April 1, 2019 from <https://iknigi.net/avtor-viktor-shklovskiy/21425-sentimentalnoe-puteshestvie-viktor-shklovskiy/read/page-10.html>

Стаття надійшла до редакції 24.04.2019

Стаття прийнята 24.05.2019